

ЛЕКСИКА ВЕРХНЕ-ЛУПЬИНСКОГО И МЫСОВСКОГО ДИАЛЕКТОВ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Первые попытки классификации диалектов коми-пермяцкого языка были предприняты В.И.Лыткиным. В “Диалектологической хрестоматии по пермским языкам” он пишет: “территориальные разновидности коми-пермяцкой речевой системы в пределах коми-пермяцкого округа... можно объединить в два говора или вернее в две диалектные группы: северный и южный”, (Лыткин 1955: 24). Северную группу В.И.Лыткин называет еще косинско-камской. В ней выделяет лупьинский говор и отмечает, что он распространен в бассейне р.Лупьи и отличается от других северных коми-пермяцких говоров. Автор пишет, что “это не какой-то особый говор, а одна из разновидностей северной коми-пермяцкой группы говоров. Остальные говоры северной диалектной группы стоят друг к другу значительно ближе, чем лупьинский”, (Лыткин 1955: 25-26). По всей вероятности, под лупьинским говором В.И.Лыткин подразумевал и лупьинский и мысовский диалекты.

Следующий шаг в изучении этих территориально-языковых разновидностей осуществлен одним из ведущих исследователей коми-пермяцких диалектов Р.М.Баталовой. Наряду с лупьинским в составе северной диалектной группы в качестве самостоятельного диалекта выделяет мысовский диалект. Исследователь отмечает, что “мысовский диалект занимает территорию одноименного сельского совета, за исключением верхне-лупьинского куста. Он расположен вдали от остальных населенных пунктов Гайнского района. Диалект распространен в деревнях Мысы, Конопля, Сойга, Тошыб”. (Баталова 1975: 216). На верх-лупьинском диалекте говорило население д.Верх-Лупья, д.Пурга, д.Коса-Сотчём, д.Ягдын, д.Шордын. Все данные селения входили в состав Мысовского сельского совета.

Р.М.Баталова отмечает, что уже тогда, в 70-е годы, большая часть населения этих деревень была переселена в райцентр с.Гайны, а в названных пунктах оставалось всего несколько семей.

В настоящее время существуют д.Сойга, Конопля, Мысы; они относятся к Кебратскому поссовету Гайнского района. В силу различных причин население остальных населенных пунктов (преимущественно тех, где был распространен лупьинский диалект) переселилось в с.Гайны, п.Кебраты и существующие ныне деревни, заселенные носителями мысовского диалекта. Таким образом, на территории распространения этих диалектов сложилась такая ситуация, что население - носители традиционно разделяемых диалектных образований — проживает на общей территории. В этих условиях, безусловно, происходит взаимовлияние диалектов. Поэтому перед исследователями стоит вопрос: правомерно ли в настоящее время разделять мысовский и лупьинский диалекты. Для решения этой проблемы необходимы серьезные исследования этих языковых образований со стороны фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса, которые в настоящее время отсутствуют. В данной работе исследуемый диалект мы условно назовем мысовско-лупьинским.

Словарный состав мысовско-лупьинской языковой разновидности неоднороден. Анализ имеющегося в нашем распоряжении фактического материала показывает, что основу словарного состава мысовско-лупьинского диалекта составляют лексемы общенародного употребления, однако специфичные диалектные слова также занимают заметное место. Удельный вес такого рода лексических единиц в данном языковом образовании значительно больше, чем в других северных диалектах.

В словарном составе данного диалекта можно выделить несколько групп диалектных слов: 1. Диалектные слова, встречающиеся в исследуемом, а также в других северных говорах.

В мысовско-лупьинском диалекте имеется ряд слов, отсутствующих в литературном языке и южных диалектах, но в той или иной степени употребляемых в северных говорах коми-пермяцкого языка. Широко употребительными являются, например, лексемы *тойны* 'толочь, растолочь', *славной* 'симпатичный, хорошенький', *вежур* 'сыроежка', *лаж керсьыны* 'присесть' и т.д. Некоторые слова встречаются только лишь в отдельных говорах. Например, слово *зеп* в значении 'карман' встречается в чураковском говоре косинско-камского диалекта, слово *юшка* (сунис юшка) 'катушка для ниток'

зафиксировано в говорах Больше-Кочинского сельсовета (кочёвский диалект), *йойалны* 'баловаться' — в говорах д.Пятигоры, д.Иванчино косинско-камского диалекта, *капусник* 'огород' — в чазёвском говоре косинско-камского диалекта, *косялны* 'пахать, вспахать' в косинско-камском диалекте и т.п.;

2. Диалектные слова, общие для северных и южных диалектов. Такими являются, например, слово *дивно* 'много'. В "Коми-пермяцко-русском словаре" отмечено, что оно типично для иньвенских говоров (КПРС 1985: 123). С пометой "нижне-иньвенское" в словаре даны такие слова, которые встречаются в мысовско-лупьинском диалекте: *кодыр* 'когда' (КПРС 1985: 177); *висьны* 'болеть' (КПРС 1985: 75), *пуктисян* 'сенокос' (КПРС 1985: 383).

3. Диалектные слова, характерные как для коми-пермяцких, так и коми-зырянских диалектов. Самую большую группу образуют диалектные слова, употребляемые в мысовско-лупьинских говорах и в коми-зырянских диалектах. Одни из них встречаются в коми-зырянском языке повсеместно или почти повсеместно, например, слово *аски* 'завтра' встречается в девяти диалектах (ССКЗД 1961: 13); *кызь* 'двадцать' повсеместно (ССКЗД: 185), *гач* 'штаны' повсеместно (ССКЗД 1961: 77), *матка* 'компас' употребляется во всех диалектах, за исключением некоторых говоров (ССКЗД 1961: 218), *плеш* 'лоб' в девяти диалектах (ССКЗД 1961: 288) и др. Более ограниченной территорией употребления характеризуются такие лексемы, как мысовско-лупьинское *шыран* 'ножницы' (ср. к-з. *шыран* 'ножницы для стрижки овец' в верхне-вычегодском, печорском, присыктывкарском, среднесыольском диалектах (ССКЗД 1961: 441); мысовско-лупьинское *лõсьыта* 'хорошо, удобно' (ср. к-з. *лõсьыда* 'хорошо, аккуратно, прилично, красиво, удобно' в присыктывкарском, среднесыольском диалекте (ССКЗД 1961: 205); мысовско-лупьинское *юр* чашка 'череп' (ср. к-з. *юр чашка* в присыктывкарском, *юр чатша* в среднесыольском, *юр чарка* в удорском, *юр чась* в печорском диалектах с тем же значением (ССКЗД 1961: 452). Мысовско-лупьинское *чуш* 'губа' (ср. *чуш* 'верхняя губа' в верхневычегодском, верхнесыольском, лузском, печорском, среднесыольском, *чук* с тем же значением в нижневычегодском диалекте (ССКЗД 1961: 422).

Большое количество совпадений с коми-зырянскими примерами в составе лексики мысовско-лупьинского диалекта можно объяснить близостью территорий. Как отмечали жители Верх-Лупьи, до ближайшего населенного пункта коми-зырян, д.Дзель, около 20 километ-

ров. В то же время до других коми-пермяцких населенных пунктов значительно больше.

4. Собственно мысовско-лупьинские лексические единицы.

В мысовско-лупьинском диалекте встретилось несколько слов, не зафиксированных в “Коми-пермяцко-русском словаре” и “Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов”. *Аттыны* ‘молиться’. В удорском диалекте зафиксировано слово *аттыны* со значением ‘кланяться, поклониться’. В присыктывкарском и средне-сысольском диалектах — *аттыавны* ‘благодарить, поблагодарить’. (ССКЗД 1961: 15). На наш взгляд, значения приведенных слов являются близкими, но не тождественными.

Вож ‘оглобля’. По-видимому, данное слово представляет собой фонетический вариант, зафиксированный в “Коми-пермяцко-русском словаре” устаревшего слова *ож* ‘оглобля’ (КПРС 1985: 290) с [в] (Ср. совр. *оглобля*).

Вугыр гаг ‘дождевой червь’. В северных диалектах используется слово *нидзыл*, в литературном языке *нидзыв* ‘дождевой червь’. Аналогичное обозначение, но с несколько иным лексическим составом имеется в некоторых говорах южного наречия: *чери гаг* ‘дождевой червь’.

Наряду с исконными словами в мысовско-лупьинском диалекте встречаются также русские заимствования, нехарактерные для других коми-пермяцких диалектов, например, *красной головик* ‘красноголовик’. В коми-пермяцком языке для наименования этого гриба используются лексемы *гörd гриб*, *гриб*, *красноголовик*. Заимствование последнего названия произошло без каких-либо фонетических и семантических изменений. У некоторых русских заимствований произошли фонетические изменения, которые не наблюдаются в других коми-пермяцких диалектах и литературном языке, например: *кесто* ‘тесто’ (ср. лит. *тесто* ‘тж’), *картук* ‘картофель’ (ср. лит. *картов* ‘тж’), *кость* ‘кость’ (ср. лит. и южн. диалектное *коска* ‘тж’).

Таким образом, представленный выше лексический материал, относящийся к мысовскому и лупьинскому диалектам северного наречия коми-пермяцкого языка, рассмотрен в данной статье как единая система, без разграничения на две диалектные разновидности. Анализ лексического материала показал, что в словарном составе исследуемого диалекта различаются слова: 1) употребляющиеся только на территории данного диалекта; 2) являющиеся общими для всех северных диалектов коми-пермяцкого языка; 3) являющиеся общими

для данного говора и некоторых южных говоров коми-пермяцкого языка; 4) являющиеся общими для мысовско-лупьинского диалекта и диалектов коми-зырянского языка. Большая часть заимствованной лексики совпадает с литературным языком и диалектами коми-пермяцкого языка. Некоторые заимствованные лексемы в мысовско-лупьинском диалекте получили специфические фонетические и семантические изменения.

Сокращения

Д. — деревня, п. — посёлок, с. — село, к.-з. — коми-зырянский язык.

Баталова 1975 — Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Баталова Р.М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М., Гамбург. 1995.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990.

КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А.Сорвачёвой. Сыктывкар, 1961.